

На правах рукописи

ЛИСИЧНЫЙ Александр Анатольевич

ФЕНОМЕН ПОГРАНИЧНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.
(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО
УРОВНЯ ТЕКСТОВ
В. В. РОЗАНОВА)

10. 01. 01 — русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тюмень
1999

Работа выполнена на кафедре русской литературы
Тюменского государственного университета

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

доктор филологических наук, профессор *Н.
П. Дворцова*

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор филологических наук, профессор *Б.
В. Кондаков;*
доктор философских наук, профессор *Н. Д.
Зотов—Матвеев*

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

Омский государственный педагогический университет

Защита состоится «30» июня 1999 г, в 13 часов на заседании диссертационного совета К 064. 23. 07 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тюменском государственном университете (625000, Тюмень, Семакова 10, ауд. 211).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан «30» июня 1999 г.

*Ученый секретарь
диссертационного
совета
кандидат*

Н. В. Лабунец

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. «Нетрадиционность» большинства текстов писателя-философа В. В. Розанова, парадоксальность и внутренняя самопротиворечивость его позиции, по нашему мнению, предельно обостряют проблему целостного восприятия и интерпретации художественно-философского наследия писателя, Розановская многоликость проявляет себя как при целостном восприятии всего его творчества, так и в отдельно взятых текстах. Это выражается в первую очередь не только в смене дискурсов (от логико-рационального в трактате «О понимании» (1886) к художественно-интуитивному в «Уединенном» (1912) и «Опавших листьях» (1913-1915), но и в своеобразном их «наслоении», когда, например, философский дискурс «О понимании» переходит в религиозно-философский с художественно-публицистическими элементами в «Темном лике, Метафизике христианства» (1911), а художественность «Уединенного» и «Опавших листьев» не исключает их философской, религиозной, публицистической направленности. Такая многоликая природа творчества и отдельных текстов В. В. Розанова позволяет истолковывать его как художника (В. Б. Шкловский), как философа (В. В. Зеньковский), как эссеиста (А. Д. Сиявский), как религиозного мыслителя (С. Р. Федякин)... Но даже если и удалось бы создать из множества «частных» истолкований розановского творчества одно общее, многоуровневое, где он был бы представлен и истолкован во всех своих «ипостасях», то, на наш взгляд, все же неизбывной и неизученной оставалась бы проблема истока «нетрадиционности» писателя, с одной стороны, и, с другой — основания целостности его текстов.

Следует отметить, что проблему такого рода представляют не только тексты В. В. Розанова, но и некоторые тексты П. Я. Чаадаева, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. С нашей точки зрения, даже «внешнее» описание «Философических писем» П. Я. Чаадаева, «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «Исповеди» Л. Н. Толстого,

«Дневника писателя» Ф. М. Достоевского и в этом контексте - текстов В. В. Розанова позволяет говорить о феномене пограничности в русской литературе.

В самом деле, чаще всего «очевидное» содержание ситуации «на границе» в этих текстах выражается в форме исповеди, проповеди, нравоучительной беседы, философского размышления, писем, дневников. Наряду с этим, в одном и том же тексте могут граничить друг с другом несколько гетерогенных сфер: сфера эстетического, сфера этического, сфера собственно философского и сфера религиозного слова (что неизбежно сказывается на структуре и характере текста, где могут быть собраны воедино гетерогенные дискурсы: новеллы и афоризмы, свои и чужие письма, философские построения, комментарии к чужим интерпретациям чего-либо, дневниковые записи, нравоучительные беседы или проповеди, статьи, посвященные различным проблемам общественной и личной жизни, и т. д.). В структуре текста это могут быть прежде всего те его части, в которых автор меняет статус художника на статус пророка, проповедника, философа или доверительно-го собеседника на самые сокровенные темы. К тому же пограничные тексты нередко эмоционально неоднородны. Обличительный пафос, мольба, сарказм, исповедь до самоунижения, жалобы и сетования, насмешка, патетические возгласы могут быть собраны в одном тексте для того, чтобы передать не только душевное состояние автора, но и вызвать соответствующее состояние у читателя. В целом эмпирический уровень пограничности сам говорит за себя, он действительно «очевиден», смысл и суть ситуации «на границе» могут быть представлены в таком тексте достаточно понятно.

Сказанное выше позволяет нам определить объект исследования. Его представляют названные нами художественно-философские тексты В. В. Розанова: «О понимании», «Темный лик. Метафизика христианства», «Уединенное», «Опавшие листья» в контексте традиции пограничности в русской литературе («Философические письма» П. Я. Чаадаева, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «Исповедь» Л. Н. Толстого, «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского).

Предмет исследования - онтологический уровень пограничных текстов В. В. Розанова, понимаемый как синергетическое единство смысловых интенций автора, текста и интерпретатора, а также способы манифестации онтологической границы в текстах, представляющих традицию пограничности в русской литературе XIX - нач. XX вв.

Цель исследования заключается в том, чтобы произвести реконструкцию онтологического уровня текстов В. В. Розанова в контексте традиции пограничности в русской литературе XIX-нач. XX вв.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Исследовать реализацию феномена пограничности в текстах В. В. Розанова и реконструировать онтологический уровень этих текстов.

2. Обосновать онтологическую границу как категорию, являющуюся основой для реконструкции онтологического уровня текстов В. В. Розанова и структурирующую феномен пограничности в русской литературе XIX — нач. XX вв.

3. Описать экзистенциальные, религиозные, бытийные предпосылки реконструкции онтологического уровня текста через аналитику текстового универсума (автор—текст—интерпретатор).

В качестве научной гипотезы, требующей аналитического доказательства, предлагаются следующие положения:

1. Онтологическая граница является основополагающей категорией, диалектически структурирующей феномен пограничности в русской литературе XIX — нач. XX вв.

2. Пограничность автора, текста, интерпретатора — бытийное основание онтологического уровня текста — точки «нераздельного и неслиянного» пересечения их смысловых интенций.

3. Реконструкция онтологического уровня текстов В. В. Розанова представляет способ манифестации онтологической границы в его творчестве.

Теоретико-методологическая основа диссертации. Специфика предмета исследования — пограничных текстов, по нашему мнению, требует специфической методологии, кото-

рую можно назвать «пограничной». Такая методология должна, на наш взгляд, вобрать в себя не только литературоведческие, но также философские и теологические модели истолкования текста. Другими словами, «пограничная» методология должна ориентироваться на весь комплекс исследований текста, присущий гуманитарным наукам, Пример такого рода мы находим в научном проекте М. М. Бахтина,

В диссертации мы соединяем традиционный путь литературоведческого анализа с опорой на поэтику текста и опыт того, что мы называем экзистенциально ориентированным религиозно-герменевтическим исследованием культуры (литературы).

Прежде всего мы опираемся на представление поэтики XX в. о литературном произведении как художественном целом, и при этом не статически замкнутом, а процессуальном явлении. Мы исходим из опыта таких различных традиций понимания поэтики в отечественной науке XX в., как историческая поэтика А. Веселовского, поэтика русского формализма (Ю. Тынянов, Б. Томашевский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, В. Шкловский и др.), структурализма и постструктурализма (Ю. Лотман, А. Жолковский, А. Пятигорский, В. Топоров, Б. Успенский и др.). Для нас важны также традиционалистская поэтика В. Хализева, основополагающие идеи «Поэтики древнерусской литературы» Д. Лихачева, культурологически и религиозно ориентированная поэтика С. Аверинцева, интерпретационные стратегии В. Подороги и М. Мамардашвили.

Вместе с тем теоретическое признание того, что гуманитарные науки имеют «дело с истинами, решительно возвышающимися над сферой методического познания» (Х. Г. Гадамер), — результат герменевтического осмысления всего круга проблем, связанных с поиском путей и пределов для истолкования многоликого «Другого» — Бога, личности, артефакта (текста), «другого» для текста и в тексте, то есть его «метафизического остатка». Этот круг проблем по-разному разрабатывался и был описан в богословских трудах Псевдо-Дионисия Ареопагита (V-VI вв. н. э.), Григория Паламы (XIII-XIV вв. н. э.), Вл. Н. Лосского (XX в.), П. Тиллиха (XX в.); в русской религиозно-философской традиции нач. XX века; в

«философии диалога» М. Бубера, М. Бахтина, О. Розенштока-Хюсси; в религиозном варианте экзистенциальной философии С. Кьеркегора, Л. Шестова, К. Ясперса, Н. Бердяева; в философских трудах М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикера. Всех перечисленных выше авторов, с нашей точки зрения, можно отнести к традиции «экзистенциального мышления», которая значительно шире экзистенциальной философии, оформившейся в философскую школу к середине XX века.

Различение экзистенциального мышления и философии экзистенциализма позволяет говорить о том, что в традиции экзистенциального мышления возможно использование результатов философски осмысленного (В. Эрн, П. Флоренский, С. Булгаков, С. Франк, А. Лосев, С. Хоружий) синергетизма Григория Паламы и результатов западноевропейских мыслителей для создания экзистенциально ориентированного гносеологического подхода, который может «работать» как методологическое основание интерпретации пограничных текстов.

Здесь следует отметить, что, по нашему мнению, имплицитно (то есть без основательной теоретической разработки) эта традиция представлена в трудах таких исследователей русской литературы, как А. Бухарев, В. Соловьев, Д. Мережковский, Н. Бердяев, К. Мочульский, С. Аверинцев, А. Панченко и др. Кроме того, такой тип исследований, на наш взгляд, можно включить в более широкую общеевропейскую традицию, обозначенную как «теология культуры» (П. Тиллих, Р. Нибур, Э. Жильсон и др.).

Кроме того, методологические основы изучения феноменов культуры и жизни были изложены самим В. В. Розановым в трактате «О понимании», где он предлагает путь осмысления внешних «явлений» через постижение их предельных онтологических оснований. Такой подход является методологическим фундаментом и нашего исследования.

Мы полагаем, что путь интерпретатора к предельным основаниям текста не может быть безрелигиозным. Любой поиск (литературоведческий, философский и т. д.) предельных оснований — религиозен. Так, например, по-видимому, стремление остаться в рамках философского исследования и вместе с тем

осознание трансцендентных оснований «онтологии понимания» привело М. Хайдеггера к неявным указаниям на имплицитно представленный религиозный, теологический уровень его герменевтического проекта. Движение хайдеггеровской личности к предельным основаниям герменевтичности бытия личности в мире, как известно, приводит к обоснованию предельного для мысли — Ничто, Ничто — предел философской мысли, граница, в которой и за которой берет начало теология. Впрочем, герменевтически-теологический сплав мысли характерен не только для хайдеггеровской философии (А. Михайлов). По нашему мнению, любая серьезная, не только философская, но и литературоведческая мысль включает в себе теологические импликации.

Таким образом, признание религиозных оснований любого гуманитарного исследования, продвигающегося к онтологическим пределам изучаемого предмета, а также признание «законности» теологических импликаций в таких исследованиях позволяет обозначить суть экзистенциально ориентированного религиозно-герменевтического пути изучения литературы: он дает возможность исследователю удержаться на онтологической границе так, чтобы выстоять в свете «предельно Близкого / абсолютно Другого», осознать свое место в бытии сущего (границу) и увидеть текст во всем неповторимом единстве его «физики» и метафизики.

Научная новизна исследования:

1. В диссертации впервые описан как сам феномен пограничности в русской литературе XIX — нач. XX вв., так и представлена его онтология (онтологическая граница, экзистенциальные парадигмы, типы мироотношения).

2. Исследование отношений «автор — пограничный текст» (на материале текстов П. Я. Чаадаева, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского) и отношений «интерпретатор - пограничный текст» выявило фундаментальную для их структурирования роль онтологической границы. Благодаря этому найден новый (экзистенциально ориентированный герменевтико-теологический) ракурс интерпретации элементов текста (... метафора, диафора, символ...), традиционно считающихся предметом поэтики. Описан онтологический уровень текста и

пути вы-движения к нему интерпретатора,

3. Благодаря произведенной нами реконструкции онтологического уровня текстов В. В. Розанова («О понимании», «Темный лик. Метафизика христианства», «Уединенное», «Опавшие листья»}, представлены способы диалектической манифестации онтологической границы в творчестве писателя. Исследование модуса, который приобретает онтологическая граница в экзистенциальной парадигме (у Розанова — «смерть-жизнь»), позволяет говорить о «статическом аспекте креативности» (А. Пятигорский), дающем о себе знать в его текстах. Выявлены элементы, которые через свой «метафизический остаток» манифестируют онтологический уровень текстов В. В. Розанова.

Апробация отдельных разделов диссертации состоялась на региональных межвузовских научно-практических конференциях: «Русская духовная культура Западной Сибири и Урала» (Тюмень, 1995), «Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры» (Тюмень, 1997).

Практическая значимость работы состоит в том, что ее основные положения и выводы могут быть использованы в вузовском (как в общих, так и в специальных курсах) и школьном преподавании русской литературы. Кроме того, результаты исследования использовались автором в процессе чтения курсов «Теория литературы» и «История русской литературы третьей трети XIX в.»

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Диссертация изложена на 146 страницах, список литературы содержит 299 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается тема исследования, определяются его актуальность, цель, задачи работы, ее методологические основания, научная новизна и практическая значимость.

Исследуемый нами феномен пограничности в литературе нуждается в теоретической разработке, в адекватном языке

описания. Следует подчеркнуть, что все теоретически обоснованные нами понятия представляют собой результат осмысления текстов русской литературы XIX — нач. XX вв., являющихся объектом нашего исследования.

В первой главе «Исток и способы реализации пограничности в литературе» обосновывается онтологическая граница — основополагающая категория, диалектически структурирующая способы актуализации бытийного статуса личности в культуре. Исследование движется по следующему пути: через онтологию границы в персонологической перспективе (параграф 1) к описанию (параграф 2) экзистенциальных парадигм («смерть-жизнь», «смерть-Воскресение»), которые архетипически предопределяют реализацию личности в одном из трех типов (параграф 3) мироотношения (имманентный, трансцендентный и метафизический). Таким образом, мы описываем «почву» (онтологическую границу), на которой в зависимости от условий (экзистенциальные парадигмы) «произрастают» определенные типы мироотношений, являющиеся внешней формой проявления пограничности личности в культуре.

В параграфе первом «*Онтология границы в персонологической перспективе*» производится обоснование и описание онтологической границы — бытия личности *между* миром и трансцендентным ей («предельно Близким/абсолютно Другим»). Сущее (М. Хайдеггер) раз-граничено и от-граничено. На границах происходит встреча личности с разного вида трансцендентным ей (К. Ясперс). Любой вид трансцендентного открывается личности через «не», своим «ничто» {М. Хайдеггер) отрицая весь наличный мир, сущее. Аналитика трех разновидностей древнегреческого отрицания, выраженного частицами, α , $\mu\eta$, $\omicron\upsilon\kappa$ (С. Булгаков), позволяет определить характер онтологической границы и сделать вывод о том, что трансцендентное может быть репрезентировано на уровне сущего в трех видах. Первый — трансцендентное, дающее о себе знать в Ничто, то есть в бытии (α), второй — трансцендентное как еще пока не выявленное сущее ($\mu\eta$), третий — трансцендентное как полное отрицание сущего, противостоящее бытию ($\omicron\upsilon\kappa$). Первый вид трансцендентного открывается

личности своей трансцендентной полнотой, второй — своей относительной трансценденцией, третий — своей трансцендентной пустотой. Полнота, относительность, пустота в данном случае — метафорические атрибуты трансцендентного, через которые предельно обобщенно может быть определена онтологическая природа той или иной границы. Диалектически структурирует описываемый в диссертации феномен пограничности граница, онтологическая природа которой определяется первым видом трансцендентного («предельно Близким/абсолютно Другим»).

Аналитика онтологической границы необходимо становится аналитикой бытия личности на пределе (границе) своей экзистенции. Отвлеченное описание онтологической границы, с нашей точки зрения, достижимо только через личность (И. Евлампиев), Манифестации ее пограничности на онтологическом уровне текста обуславливают, по нашему мнению, пограничность на уровне его «физики», то есть внутритекстовую пограничность, которая может привести как текст, так и его автора, к маргинальному положению в современной культуре.

В параграфе втором «Экзистенциальные *парадигмы*» предметом исследования является то влияние, которое может оказывать на структуру и характер пограничного текста движение личности автора в той или иной экзистенциальной парадигме, заданное «точками интенсивного трансцендирования». Представление об онтологической границе как о континууме точек, соприкосновение с которыми выдвигает личность к пределам ее экзистенции (то есть обращает личность к трансцендентному ей), позволяет называть такие «точки» «точками интенсивного трансцендирования». В диссертации описываются две такие «точки» — «смерть» и «Воскресение». Они организуют две экзистенциальные парадигмы — «смерть-жизнь» и «смерть-Воскресение».

Парадигма «смерть-жизнь» — это парадигма бесконечных переходов, превращений жизни в смерть и наоборот, в них смерть теряет свое трансцендентное основание. В этой парадигме только «смерть» — «точка интенсивного трансцендиро-

вания», «точка» предельного отсутствия (оук), пустоты, не имеющей никакого другого трансцендентного «корректива». На уровне творчества страх смерти может привести художника к созданию «культурных завалов» (Л. В. Карасев), цель которых — сохранение, продление жизни. Так, Л. Н. Толстой в «Исповеди» и в своих последующих произведениях утверждает жизнь, которая, по его мнению, бесконечна и вечна, а умирание тела — одна из ее трансформаций. В. В. Розанов создает утопию бессмертия через сохранения себя в потомках. В «Философии общего дела» Н. Ф. Федоров представляет проект всеобщего воскресения, которым смерть будет преодолена. В этой ситуации возможна также сакрализация творческого акта. В таком случае художник уже не просто творит, а священнодействует (поздний Н. В. Гоголь), надеясь через демиургическое изменение себя и окружающего мира противостоят смерти,

В парадигме «смерть-Воскресение» «смерти» противостоит «точка интенсивного трансцендирования» «Воскресение». Мы изучаем не столько религиозный, сколько культурологический аспект этой «точки». Осознание парадоксальности манифестации «Воскресения» в тексте (когда предельная полнота смысла не вмещается в слове, требует адекватного выражения и все же никогда во всей полноте словом не передается) может привести к апофатике и, в конце концов, — к полному отказу от слова. Предельная полнота смысла в таком случае может быть воплощена в личности художника, святого, юродивого (Т. Горичева, В. Топоров, Г. Федотов) или в произведении искусства, хранящем следы отношений с его Первообразом (Х.-Г. Гадамер), если оно сознательно не направлено на преодоление смерти. Предельной полнотой смысла, явленной на уровне сущего, «Воскресение» противостоит «смерти».

В параграфе третьем *«Типы мироотношений»* описываются три типа восприятия мира и действия человека в нем - имманентный, трансцендентный и метафизический. В имманентном типе мироотношения онтологическая граница дает о себе знать через представления о внутренней разграниченности сущего. Исследования Ю. Лотмана, Я. Мукар-

жовского, Б. Успенского выявляют структурно- и смыслообразующую функцию имманентных границ. В то же время мы показываем, что попытки провести строго имманентное исследование границы упираются в некий трансцендентный «икс». Имманентный тип мироотношения чаще всего является результатом того, что личность архетипически предопределена парадигмой «смерть-жизнь», когда смерть далека и единственным «предметом» является жизнь, данная личности здесь и сейчас.

Трансцендентное мироотношение, как и мироотношение метафизическое, является результатом вы-движения личности к пределам своей экзистенции. Их отличает способ мышления об онтологической границе. В трансцендентном мироотношении метафизическая сторона онтологической границы («предельно Близкий/абсолютно Другой») раскрывается через апофатическое «не» (α). Путь молчания или отрицания представляется здесь наиболее совершенным.

Метафизическое мироотношение направлено на то, чтобы помыслить и вы-словить метафизическую сторону онтологической границы и ее возможные проявления на уровне сущего. Для интерпретатора этот тип мироотношения — в первую очередь, при-сутствие всем своим существом на онтологической границе и видение двух ее сторон — имманентной и той, которая касается «предельно Близкого/абсолютно Другого» — метафизической. Религиозно-философское обоснование такого рода мироотношения, по нашему мнению, является предпосылкой для создания оснований литературоведческой (герменевтической) теории интерпретации пограничных текстов.

Глава вторая «Основания интерпретации пограничных текстов в русской литературе XIX - начала XX веков» посвящена исследованию бытийного статуса личности автора, способа ее манифестации в тексте (параграф 1); бытийного статуса личности интерпретатора и тех изменений, которые происходят или должны происходить с ней при встрече с текстом (параграф 2). Мы исходим из того, что таким образом можно найти «общую почву», на которой зиждется целостность всего текстового универсума: автор — текст —

интерпретатор. Благодаря этому, с нашей точки зрения, интерпретация становится не интерпретацией автора через текст, не интерпретацией самого текста, не интерпретацией интерпретатором самого себя, а интерпретацией их «общей почвы» - онтологического уровня текста (параграф 3).

В первом параграфе *«Манифестация онтологической границы в системе отношений «автор — текст»* мы стремимся достичь понимания этих отношений не через создание отвлеченной теоретической конструкции, а через аналитику конкретных текстов. Такой путь предполагает исследование способов манифестации онтологической границы как предела личностной (авторской) экзистенции; как условие внутритекстовой пограничности; как основание маргинальности автора и текста в культуре, современной им. Теоретическим обобщением в этом параграфе сопутствует герменевтический праксис пограничных текстов П. Я. Чаадаева, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского.

Так, маргинальность П. Я. Чаадаева в современной ему культуре во всей полноте проявилась в момент выхода его первого «Философического письма». Пограничность его бытийного статуса была обусловлена природой его религиозного опыта (Б. Зеньковский, Г. Флоровский), в то же время еще никем не был отмечен пронизывающий все «философические письма» принцип о-граничения, через который, на наш взгляд, манифестирует себя пограничный статус личности автора. Коротко этот принцип можно выразить так: путь к воссоединению трансцендентного и имманентного (достижение Царства Божия, по П. Я. Чаадаеву), путь к единству лежит через принцип о-граничения, действующий на четырех уровнях: душевное о-граничение, бытовое о-граничение, о-граничение разума, о-граничение рамками традиции.

Маргинальность Н. В. Гоголя и его поздних произведений находит свое обоснование в его религиозном по сути выдвигании к онтологической границе, которое является целостнообразующим мотивом «Выбранных мест из переписки с друзьями». Такое выдвигание совершается личностью (это личный опыт Н. В. Гоголя), оказывающейся перед лицом смер-

ти. Не зря поэтому в «Переписку...» был включен писателем «профанический» текст «Завещания», который был для того времени обычным документом. «Завещание», в основном его третий и четвертый — центральные разделы, указывает на «точку интенсивного трансцендирования», определяющую структуру и понимание «Выбранных мест...» «Смерть» — эта «точка». Она не опосредованно, а прямо структурирует смысловое целое и этого произведения, и личностную экзистенцию автора. «Переписка...» передает сложное взаимодействие и даже столкновение двух экзистенциальных парадигм; «смерть-жизнь» (утопический проект обновления России) и «смерть-Воскресение» (понимание Воскресения как трансцендентного события, обновляющего сущее — глава «Воскресение»). Это свидетельствует о глубочайших личностных «сдвигах», изменяющих модус авторской экзистенции от художественно-эстетического к творчески-религиозному (К. Мочульский). Пограничность бытийного статуса Н. В. Гоголя проявилась не только на уровне текста, но и в современной ему культуре, в которой он стал как светским, так и церковным маргиналом.

«Смерть» как «точка интенсивного трансцендирования» во многом определяет парадигму личностного мировосприятия Л. Н. Толстого. В «Исповеди» представлен выход из «смерти» к жизни, бесконечная глубина и разнообразие которой все же имманентны автору. «Смерть» организует творческий универсум писателя в период после «Исповеди». «Точка интенсивного трансцендирования» («смерть»), направляющая духовные искания Л. Н. Толстого, приводит его к отрицанию культуры во имя утверждения и явленности сакральных оснований жизни.

Смыкание личного и художественного в слове Ф. М. Достоевского уже долгое время представляет проблему для исследователей его творчества. Опыт разверзающихся перед лицом смерти (эшафот) бездн человеческого духа, как известно, нуждается в адекватной передаче словом, а слово, художественное иногда оказывается слишком узким для того, чтобы передать полноту этого опыта. Отмечавшаяся Л. Н. Толстым,

И, А. Буниным, В. В. Набоковым нехудожественность Ф. М. Достоевского, свидетельствует, скорее, не об особом модусе эстетики писателя (Р. Г. Назиров), а о религиозно-онтологической доминанте, дающей о себе знать в разрывах художественной ткани его текстов.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что личностная, религиозно-онтологическая доминанта текстов П. Я. Чаадаева, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского неизбежна. Ее невозможно игнорировать, замыкая интерпретацию на самом тексте и исключая ближайшую внелитературную реальность, экзистенциальный контекст пограничного текста — личность автора.

В параграфе втором «Онтологические условия интерпретации (структура отношений «интерпретатор — текст»)» описываются те условия, в которых возможно постижение предельности авторской экзистенции в тексте. Вот они: онтологизм — личностная познавательная установка; трансцендирование, или преобразование — практическая реализация онтологизма; первичная интерпретация, возникающая благодаря трансцендированию к «предельно Ближнему/абсолютно Другому»; вторичная интерпретация — как результат представленных выше условий.

Интерпретация текста (поступка) — всегда вторичная интерпретация. Она становится синергетической встречей с «неабсолютным другим», то есть посредничеством между интерпретатором и продуктом интерпретации «предельно Ближнего/абсолютно Другого» — пограничным текстом. Здесь так же, как и в первичной интерпретации, происходит герменевтический процесс самопонимания через понимание «другого», хотя адекватность и глубина такого самопонимания не могут быть предельными вследствие того, что, в отличие от «предельно Ближнего/абсолютно Другого» (в первичной интерпретации), текст — инобытие не предельное.

В параграфе третьем «Онтологический уровень текста» этот уровень описывается как «место» синергетического пересечения смысловых интенций автора, текста, интерпретатора. Этот уровень — новая реальность, возникающая «здесь и

сейчас», в момент их встречи, и не принадлежащая во всей полноте ни одному из ее «участников».

Используя гносеологическую модель, предложенную в имяславской формуле «Имя Божие есть сам Бог, но Бог сам — не имя», мы описываем взаимоотношения автора — текста — интерпретатора так: «текст есть его автор, но автор сам — не текст», «интерпретация текста есть ее интерпретатор, но интерпретатор сам — не интерпретация». С нашей точки зрения, эти формулы хранят понимание свободы автора — текста — интерпретатора от любого окончательного, «завершающего» (М. Бахтин) слова и не позволяют «объективирующему», несочувственному чужому взгляду «другого» выносить определяющие их суждения. Онтологический уровень текста, таким образом, не принадлежит кому-либо (автору, тексту, интерпретатору), полностью раскрывая свободу их взаимоотношений.

В главе третьей «Онтологическая граница как исток самопротиворечивости и основание единства творчества В. В. Розанова» совершается реконструкция онтологического уровня текстов писателя, цель которой — представление феномена пограничности на четырех уровнях: 1) пограничность как внутри культурное явление (маргинальность); 2) внутритекстовая пограничность; 3) бытийная пограничность личности автора; 4) бытийная пограничность личности интерпретатора. Таким образом, феномен пограничности рассматривается как целое, состоящее из двух «нераздельно и неслиянно» сосуществующих частей: культурной {маргинальность, внутритекстовая пограничность} и экзистенциальной (пограничный статус личности автора и интерпретатора). Реконструкция онтологического уровня позволяет выявить и представить характер взаимоотношений культурного и экзистенциального (личностного) планов пограничности в текстах В. В. Розанова.

В параграфе первом *«Традиции и предпосылки онтологии розановских текстов»* осмысливаются религиозно-философский (архимандрит Феодор (А. Бухарев), В. Соловьев, Вяч. Иванов, Д. Мережковский, Н. Бердяев, П. Флоренский, С. Булгаков, И. Ильин, К. Мочульский и др.) и философский (М. Мамардашвили, В. Подорога) подходы к такому истолкованию текста, в котором соединяются аналитика конкретных его

элементов с постижением бытийных оснований личности автора и с результатами самопонимания интерпретатора. Чаще всего изучение текста в этой традиции направлено на выявление его бытийного фундамента, придающего тексту единство и целостность и объясняющего его глубинный смысл. На примере работ Волжского (А. Глинка), Г. Федотова, В. Ильина, С. Федякина, В. Сукача мы показываем, что на протяжении всего XX в. религиозно-философская ориентация исследователей позволяла им, пусть даже и интуитивно, прозревать объединяющую в единое целое разнородные розановские тексты основу — бытие личности автора. Кроме того, исследование философского трактата «О понимании» выявило, что выход за пределы «физики» и объяснение «физики» через метафизику как гносеологическая процедура, позволяющая понять целостность и единство внешне разорванных и неоднородных явлений жизни, культуры, истории и т. д., постулируется самим Б. В. Розановым.

В параграфе втором «Манифестации онтологической границы в текстах В. В. Розанова» реконструируется «место» этих манифестаций — онтологический уровень текста. Положение онтологического уровня между «физикой» и метафизикой текста обуславливает его реконструкцию, с одной стороны, пограничным (на онтологической границе) статусом автора и интерпретатора и, с другой — теми элементами текста, которые через свой «метафизический остаток» этот уровень манифестируют.

Персонологический характер реконструкции даёт возможность описать исток непоследовательности, «хаотичности», парадоксальности розановского творчества и вместе с тем выявить основание его единства и целостности. Мы исходим из того, что диалектическая природа онтологической границы неизбежно определяет способ бытия пограничной личности (автора и интерпретатора). Имманентный, окружающий ее мир раздроблен и хаотичен, личность всецело принадлежит этому миру, вследствие чего ее актуализации в нем (тексты) необходимо будут не-целостны и самопротиворечивы. С другой стороны, на онтологической границе личность вступает в отноше-

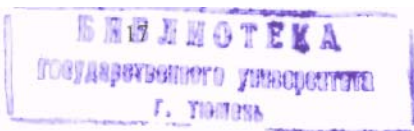
ния с трансцендентным ей «предельно Близким/абсолютно Другим», что является условием и основанием как ее целостности, так и целостности созданных ею текстов.

Онтологический уровень хранит эту диалектику личностной раздробленности и целостности, выявляя ее воплощение в конкретных элементах розановских текстов, которые на этом уровне передают характер бытия личности двояко — прямо и косвенно. Смена дискурсов (от логически-рационального до художественно-интуитивного), доминирующих в исследуемых нами текстах В. В. Розанова, представляет и смену прямого способа передачи характера бытия личности в трактате «О понимании» на предельно косвенный в «Уединенном» и «Опавших листьях».

Так, в трактате «О понимании» писатель, утверждая необходимость целостного и творческого понимания, обращается к анализу его онтологической основы. Сущность этой основы он передает предельно абстрактным философским понятием — «дух». М. Мамардашвили называет такого рода понятия «пустыми понятиями», потому что вследствие своей предельной абстрактности они никогда не могут передать всей полноты смысла, вкладываемого в них автором. Благодаря этому в них всегда остается «пустота» — «место», заполняемое культурным и экзистенциальным опытом интерпретатора.

Синергетическая встреча смысловых интенций автора, текста и интерпретатора через «метафизический остаток» понятия «дух» структурирует онтологический уровень трактата «О понимании». На этом уровне выявляется бытийное «место» «духа». Аналитика осмысления В. В. Розановым «духа», представленного в книге «О понимании», с одной стороны, он ограничен наличным миром, сущим, и потому автор констатирует «распадение духа», а, с другой — «дух» о-граничен трансцендентным ему — «предельно Близким/абсолютно Другим» («... В человеке как духе, живет дыхание Творца» (В. В. Розанов). Целостность и творческий характер пониманию, по В. В. Розанову, придает «дыхание Творца».

В «Темном лике. Метафизике христианства» прямая передача характера бытия личности сочетается с косвенной. Доми-

нирующий в тексте религиозно-философский дискурс с художественно-публицистическими элементами, по-видимому, позволяет автору исключить предельно абстрактные понятия, вскрывающие онтологическую природу личности. Так, вместо понятия «дух» в этом тексте В. В. Розанов вводит его синоним — «личность». О ней здесь говорится прямо. Природа личности - в ее от-граниченности. Суть личности — в ее выделении, от-граничении из общей массы (природа, мораль, культура).

В то же время художественно-публицистическая направленность «Темного лика, Метафизики христианства» представляет символические, метафорические и другие способы косвенной характеристики бытия личности. Их видение — результат бытийного изменения личности интерпретатора. Так, например, «боль» и «грусть» в указанном тексте могут быть восприняты им просто как манифестанты психологического состояния автора. Но осознание их как «психологических понятий с онтологической коннотацией» (П. Тиллих) может быть только в результате самопонимания интерпретатором тех бытийных трансформаций, которые дают о себе знать через «боль» и «грусть» в его собственной душе.

Исходное представление об онтологическом единстве розановского творчества позволяет нам говорить о том, что «боль» и «грусть» в «... Метафизике христианства» косвенно передают выявленное В. В. Розановым в трактате «О понимании» «распадение духа».

Отношение писателя к смерти рассматривается нами в парадигме «смерть-жизнь». В «... Метафизике христианства» и др. его текстах исключается «точка интенсивного трансцендирования» — «Воскресение». Поэтому природное (не трансцендентное) продолжение жизни мыслится В. В. Розановым через бесконечное повторение рождений. «Дух» или «личность», не имея трансцендентной перспективы развития («Воскресение»), теряют и трансцендентный характер своего творчества. В результате «духу» или «личности» становится свойствен «статический аспект креативности» (А. М. Пятигорский), то есть трансцендентная статика творчества личности, которая метафорически передается в «... Метафизике христианства»

словом «течение». «Течение» передает динамику природного плана существования. «Дух» или «личность» во взаимоотношениях с трансцендентным - статичны, во всех соприкосновениях с наличным миром - динамичны. В связи с этим А. М. Пятигорский справедливо считает, что даже слово В. В. Розанова «текуче», с не фиксируемым жестко значением.

Таким образом, через «боль» и «грусть», парадигму «смерть-жизнь», «статический аспект креативности» в «Темном лике, Метафизике христианства» косвенно передается онтологическая природа «распадающегося духа»: он — «дух» или «личность» тогда, когда от-граничен, процесс его «распадения» дает о себе знать в «боли» и «грусти», во взаимоотношениях с трансцендентным он статичен, с окружающим миром, сущим — динамичен.

Художественный по преимуществу дискурс «Уединенного» и «Опавших листьев» представляет собой предельно косвенный способ характеристики бытия личности. Этому способствует смена дискурсов с логике-рационального на художественно-интуитивный. Понимание диалектической природы онтологической границы — условие видения ее косвенных манифестаций в тексте. Так, в «Уединенном» и «Опавших листьях» текстах, которые, с нашей точки зрения, можно назвать фрагментами отражений окружающего мира в душе (раздробленная сторона личности, обращенная к имманентному, а не к трансцендентному) — есть, на наш взгляд, указания на глубочайшую, целостнообразующую ноуменальную (В. Сукач) основу душевной жизни — дух (личность в ее соприкосновении с «предельно Близким / абсолютно Другим»). Через диафорический (Ф. Уилрайт) эффект (в данном случае это «метафизический остаток» текста), который возникает благодаря разрывам между «опавшими листочками и их (листочков) логической непоследовательностью, по нашему мнению, «прорекает себя бытие» (И. Ильин). В этом, через разрывы, указании на «Другого» и заключается сущностный смысл афористического письма, в котором проявляется смысл, неадекватный любому его языковому выражению (В. Подорога) — метафизический.

Наряду с этим, выявленный нами в «Темном лике. Метафизике христианства» принцип отграничения, структурирующий личность как надприродный и надкультурный феномен, дает о себе знать в «Уединенном» и «Опавших листьях». Изучение косвенных манифестаций принципа от-граничения позволяет сделать вывод о том, что от-граниченность личности и ее протофеноменов — пола и религии в «... Метафизике христианства», «занавеска», «кристалл», «эгоизм» как метафоры границы в «Уединенном» и «Опавших листьях» — выявляют такой способ бытия, при котором происходит ее предельная интериоризация, дающая о себе знать в «принципиальной не-ориентации на «другого».

Анализ «Уединенного» и «Опавших листьев» показал, что «другими» которых В. В. Розанов игнорировал, были: а) воля писателя, то есть оформляющая граница, которую субъект полагает себе сам; б) нравственность, мораль, то есть те границы, которыми общество очерчивает жизнь субъекта извне; в) читатель, влияющий на то, что и как говорит писатель. «Принципиальная не-ориентация В. В. Розанова на «другого», с нашей точки зрения, обусловлена тем, что «другой» — воля, мораль, общество, читатель — воспринимается им как безликая сила, отнюдь не формирующая, по общепринятому мнению, личность, а деформирующая ее и порабошающая ее свободу.

Таким образом, реконструкция онтологического уровня текстов В. В. Розанова дает возможность интерпретировать прямые и косвенные способы манифестации онтологической границы в тексте. Творчество писателя предстает в новом свете — как результат «нетрадиционного эксперимента» по изучению возможностей в различных типах слова (художественного, философского и т. д.) воплотить всю неповторимость бытия, открывающегося в личности на пределах ее экзистенции. Изученные нами тексты вскрывают способ бытия личности В. В. Розанова, в котором и через который становится возможным объяснение «нетрадиционности» и «парадоксальности» как самих этих текстов, так и представленного в них мироотношения автора,

В заключении подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы развития темы.

**Основные идеи диссертации изложены в
следующих публикациях:**

1. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя в историко-литературной перспективе // Традиции и новаторство в русской классической литературе. СПб.: Образование, 1992. 0,9 п. л. (в соавторстве с Захаровой Т. В.)
2. Духовные истоки и основы позднего творчества Н. В. Гоголя // Русская литература и философская мысль XIX-XX вв. Тюмень: ТюмГУ, 1993. 0,7 п. л.
3. Танатология: проблема исследования // Русская духовная культура Западной Сибири и Урала. Тюмень, 1995. 0,2 п. л.
4. Достижение целостности на путях творчества. В. В. Розанов «О понимании» // Литература и критика в системе духовной культуры времени, Тюмень: ТюмГУ, 1996. 0,6 п. л.
5. Проблема интерпретации «предельных» текстов // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень: ТюмГУ, 1997. 0,1 п. л.

Соискатель

А. А. Лисичный